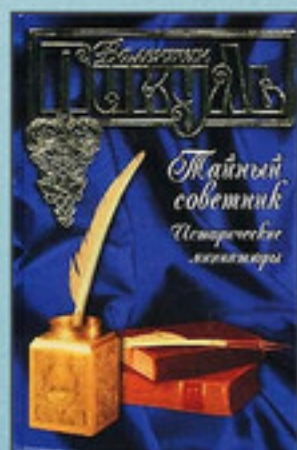

Валентин Пикуль

Памяти Якова Карловича

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Памяти Якова Карловича

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Памяти Якова Карловича / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Тайный советник)

«...Смолоду я питал почтение к академику Якову Карловичу Гроту, о котором сегодня и хочу рассказать...Иногда я думаю: как один человек, никем не подгоняемый, достаточно обеспеченный, не раз отвлекаемый службою, успел так много сделать? Почему мы, беззаботно болтающие и постыдно хвастающие своими мнимыми успехами, разучились работать?Так пусть эта миниатюра станет скромной данью благодарности к человеку, о котором у нас не принято вспоминать...»

Валентин Пикуль

Памяти Якова Карловича

Смолоду я питал почтение к академику Якову Карловичу Гроту, о котором сегодня и хочу рассказать...

Первая встреча с ним произошла еще в юности, когда я самоучкой постигал историю Финляндии, пытался переводить стихи Ленрота и Рунеберга, – именно тогда мне открылся тот мир, почти сказочный, что был отражен Гротом в его обширной книге «Из скандинавского и финского мира». Время постепенно уничтожило во мне старые интересы, оно же породило и новые – опять мне помог Яков Карлович с его работами по истории нашего государства, что так пригодилось потом при написании романа из эпохи «екатеринианства». Наконец, я с трепетом беру с полки увесистые тома – фундаментальные комментарии Грота к сочинениям Гаврилы Державина; вот изданная им переписка Екатерины II с бароном Гриммом, ценнейший источник по истории культуры, вот письма Ломоносова и Сумарокова к Ивану Шувалову... всего мне не перечислить!

Иногда я думаю: как один человек, никем не подгоняемый, достаточно обеспеченный, не раз отвлекаемый службою, успел так много сделать? Почему мы, беззаботно болтающие и постыдно хвастающие своими мнимыми успехами, разучились работать?

Так пусть эта миниатюра станет скромной данью благодарности к человеку, о котором у нас не принято вспоминать...

После семилетней войны приехал к нам из Голштинии лютеранский пастор Иоахим Грот и стал называться Ефимом Христиановичем; отнесемся к нему с должным уважением, ибо этот пастор учредил первое в России «Общество страхования жизни», а с церковной кафедры он громил родителей, которые не желали делать прививки от оспы своим детишкам.

Ефим Грот и был родным дедом нашего академика.

Яков Грот родился в снежную зиму 1812 года, когда русская армия завершила изгнание полчищ Наполеона; отец его, финансист, был знатоком языков, а мать, Каролина Ивановна Цизмер, немка происхождением, но отчаянная русофилка, любила русский народ даже за его недостатки; чтобы дети ее от колыбели прониклись «русским духом», она окружила их русскими няньками, а немецкий и французский они осваивали на слух – с разговоров родичей. Отец умер, когда Яше было четыре года; он очень любил мать и, если она засыпала, силился открыть ей глаза, громко плача:

– Мапочка, открой глазки – не умирай...

Вторая любовь – к животным, собакам и кошкам, «и я, – писал Грот в старости, – испытал это удовольствие во всей полноте... я живо и нежно сочувствовал всякому страданию, а воспоминание об этой детской симпатии до сих пор отзывается в моей душе любовью к животным...» Мать его, молодая вдова, как-то встретила в Летнем саду императора Александра I:

– Ваше величество, вы, наверное, помните моего покойного мужа, что был вызываем во дворец, дабы вы, еще ребенок, скорее освоили немецкое произношение. Так устройте будущее его бедных сироток, век стану Бога за вас молить...

Десяти лет от роду Яша попал в пансион Царскосельского лицея, а потом был зачислен и в Лицей, еще живший памятью пушкинской юности. Любовь к поэзии среди лицеистов была всеобщей, а классные сочинения писались даже в стихах... Грот никогда не забывал встречу с великим поэтом, который однажды посетил обитель своей поэтической молодости. Лицейсты окружали Пушкина гурьбой. Грот, застенчивый по природе, был безжалостно оттиснут от поэта, у которого «на лестнице оборвалась штрипка, он отстегнул ее и бросил на пол... я завладел этой драгоценностью», – вспоминал потом Яков Карлович.

За время учебы в Лицее он самостоятельно изучил итальянский язык, считался лучшим на курсе «латинистом». Из своих скудных средств мальчик купил лексикон Кронберга, басни Крылова и географию Патунина – ими и наслаждался. О будущем и чинах он не думал, об этом позаботились другие. Когда Лицей посетил князь Виктор Кочубей, важная персона, он спросил – кто из лицеистов годен в чиновники Комитета Министров, и тут профессор истории Шульгин сразу назвал Грота.

– Хорошо, – сказал Кочубей, – я буду о нем помнить...

В 1832 году Грот закончил Лицей с золотой медалью и сразу оказался среди шкафов, заполненных канцелярской премудростью. Престарелый чиновник, страдающий геморроем, вынул из ушей вату, обнюхал ее, оглядел со всех сторон и воткнул в ухо обратно.

– Попался! – сказал он со злорадством старого человека, у которого все в прошлом. – Теперь, милейший, пока целый шкаф копий не начертаешь, не видать тебе пенсии...

«Потерянные годы», – вспоминал Грот, изнемогавший от переписки бумаг, от их подшивания, прокалывания и нумерования. На беду свою он попал под начальство барона Модеста Корфа, выпущенного из Лицея вместе с Пушкиным, а барон, от поэзии далекий, был ужасный педант. Вторая беда настигла от самого императора Николая I, который однажды сказал Корфу:

– Барон, кто у тебя в канцелярии обладает таким красивым и ровным почерком? Глаз не оторвать!

– Достойно усердствует мой чиновник Яков Грот.

– Ты его удержи... не дай ему сбежать от тебя!

После этого бедный Яша проливал слезы над страницами дневника: «Дни уходят, не оставляя ни в уме, ни в сердце прочных следов; зато оставляют по себе толстые кипы исписанной веленовой бумаги; будет мне, чем похвастать внукам, показывая им шкафы канцелярии, и скажу я им: сочинять не сочинял, да зато вволю писывал...» Любимой матери Грот говорил:

– Стоило мне кончать лучшее учебное заведение России с золотой медалью, дабы копировать чужие глупости?..

Чтобы время зря не пропадало, Грот освоил английский язык; взялся за перевод поэмы Байрона «Мазепа», выискивая в европейской литературе связи с русской историей. Между тем, сидячий образ жизни в полусогнутом состоянии и лучезарные надежды на обретение «креста в петлицу, а геморроя в поясницу» сказывались на здоровье, врачи советовали заниматься гимнастикой.

– Лучше всех – гимнастика шведская, а посему, господин Грот, ступайте в гимнастический класс шведа Паули, который выправит вас, как правофлангового гренадера...

Паули ходил в классе с длинным хлыстом, которым и подстегивал бедного Грота, если не так подтягивался на перекладине, если не приседал с должным вдохновением:

– Ноги прямо! Грудь колесом! Смотреть на меня!..

Все это произносилось по-шведски, и после полугода занятий гимнастикой Грот вдруг почувствовал, что начинает понимать своего дрессировщика без помощи переводчика. Паули оставил хлыст и, радостно улыбаясь, подарил Гроту стихи Рунеберга и «Сагу о Фритьофе» Тегнера (о которой с большой похвалой отзывался великий Гёте). Яков Карлович увлекся скандинавской мифологией, стал изучать шведский язык, переводил поэта Тегнера на русский язык, он пылко увлекся новым для него миром – на этот раз скандинавским. «А между тем я должен был ежедневно проводить все утро в канцелярии, тогда как страсть к литературным занятиям уже не давала мне покоя...» Что делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.